

представлена гошениями, в которых отмечается подобный вариант внутристиховой организации.

Сходство процессов текстообразования в притчено-плачевой и заговорно-заклинательной поэзии, которое оказывается специфичным даже на территории конкретных регионов, предопределено не только генетическими истоками двух видов народно-поэтического творчества, но и, видимо, важнейшим качеством ее - изначальной импровизационностью, которая в некоторых пределах сохраняется как основа бытования отдельных жанровых разновидностей до настоящего времени. Именно установка на импровизационность, сближающая эти виды поэзии, заставляет сохранять сходные принципы текстообразования, совершенствуя их в одном направлении. Это, кстати, заставляет снова обратиться к идее песенно-речитативного звучания заговорно-заклинательной поэзии у древних предков славян, свидетельством чему являются не только сходные способы текстообразования и организации произведения, а и косвенные данные: песенно-речитативное звучание заклинаний у мифологических, особое интонирование при реальном звучании славянских заговорно-заклинательных текстов.

МАРКИТАНОВ Ю.А., ОБДУЛЛАЕВ А.Р.

/Кам'янець-Подільський педінститут/

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВМЕЩЕНИЯ ЯЗЫЧЕСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИК В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ В. ГНАТЮКА

Одной из особенностей славянских языков является своеобразное сохранение в них многихrudиментов эпохи язычества.

Совмещение в текстах символики языческой и христианской служит не только своеобразному проявлению ироничности, шутливости повествования, но и усилинию их христианской направленности, что особенно наглядно проявляется во многих этнографических материалах.

Своебразное обыгрывание языческой и христианской символики

наблюдается и в материалах, записанных В.Гнатюком в селе Литмановы в 1899 году со слов Петра Виры.

В частности, в повествовании "Богацький син", отвечающем всем стилистическим требованиям такого жанра фольклора как сказка, где пьяница-богач бахвалится перед Христом и святым Петром своим богатством, разгульной жизнью, выказывая явное безбожие, мы наблюдаем очень тонкое совмещение вышеназванных символик, явно направленное на то, чтобы подчеркнуть греховность его поведения.

Сюжет развивается в типично сказочном ключе: отец-безбожник идет сватать невесту для своего сына /тоже безбожника/. Несмотря на нежелание верующей девушки /а потому и порядочной с точки зрения христианской/ идти замуж за безбожника, забирает ее силком, за что и следует наказание. Грязнул гром и спалил дом и пристройки. Когда молодые пошли в дом ее отца, спалил глаза и молодому. Побрели они лесом - и опять наказание: силком забирают невесту, оставив ему деньги за нее. Слепой, он блуждает по лесу голодный. В довершение всего теряет и деньги, которые оказываются на дубе. И счастливый конец: прозрение с восхвалением Бога на устах и встреча с невестой.

Усиление христианской направленности осуществляется с помощью столкновения языческой и христианской символик. Причем весьма интересным является представление языческой символики в тексте. В сущности, в выборе наказания за безбожие "перун праснул з неба", "хпал з неба огень", упоминании дуба /в контексте наказания/ - имеется в виду не сам символ языческого идола Перуна, а своеобразное обыгрываниеrudиментов язычества, которые сохранил язык, что связано со временем появления сюжета. Но подспудно сюжет подводит слушателя к мысли о языческом начале безбожия, противопоставляя ему символику христианскую /Бог, Христос, святой Петр/ и связывая с ней счастливое начало.